

ТЕКСТОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

Теория текстологии и текстологические принципы возникли из эдичионных потребностей письменной культуры.

Уже в древности была решена задача сохранения текста поэмы Священного Писания и поэмы Гомера. Огромное значение имели критический анализ и исправление древних и средневековых рукописных текстов, изданий Шекспира, в русской литературе — собраний сочинений Пушкина.

До недавнего времени в этом ряду называли и Достоевского.

Кризис современной текстологии со всей определенностью обозначил изъяны тех принципов, по которым в Советском Союзе издавалась русская классика.

Советская орфография решала политические задачи. Упраздняя прописное написание религиозной и церковной лексики, она меняла знаки культуры на противоположные — превращала христианских писателей в атеистов. Идеологическая правка искажала смысл и дух творчества всех без исключения русских писателей. Следование корректоров школьным правилам обращало в фикцию авторскую пунктуацию.

Сегодня эти текстологические принципы не обязательны и не авторитетны, но за последние годы, к сожалению, мало что изменилось. Современные издания по-прежнему искажают авторский смысл русской классики.

Для меня эти проблемы обозначились двадцать лет назад, когда я захотел издать некоторые произведения Достоевского; в этих проектах постепенно возникла идея нового собрания его сочинений.

Каждое издание имеет свою историю.

Увлекаясь поэтикой и герменевтикой, я не собирался заниматься текстологией, доверяя тому, что сделали предшественники и коллеги.

Как-то в беседе с Г. М. Фридлендером во время традиционной конференции в тогда еще Ленинградском музее Достоевского (ноябрь 1985 г.) я искренне хвалил тридцатитомное собрание сочинений Достоевского, говорил, что оно «на века», на что Георгий Михайлович улыбнулся и возразил: «Ну, что вы, Володя: лет через десять обязательно найдется кто-нибудь, кто начнет переделывать нашу работу».

Сказал — и напроорочил: ровно через десять лет в июле 1995 г. на симпозиуме Международного общества Достоевского в Гаминге (Австрия, 31 июля — 5 августа) состоялась презентация первого тома моих Канонических текстов Достоевского, вызвавших скандал со стороны Г. М. Фридлендера¹.

¹ Продолжением этого скандала стала упорная защита Г. М. Фридлендером орфографической реформы 1917—1918 г. и текстологических принципов издания академического Достоевского: «В заключение, — писал он в своей вводной заметке "От редактора", — мы должны заметить, что в последнее время в нашей стране усилились нападки на проведенную в 1918 г. в России орфографическую реформу. Этих нападков не избежало и издание "Полного собрания сочинений" Достоевского, получившее мировое признание (см., напр.: Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты изучения Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 356—357). Те, кто нападают на эту реформу, по-видимому, по невежеству не знают (наивное заблуждение автора: в том-то и дело, что знали! — В. З.), что решение о ней было принято специально созданной Комиссией Императорской Академии наук до октября 1917 г. В соответствии с установленными этой реформой правилами изданы все современные словари русского языка и все академические издания русских классиков. Поэтому (? — чистейший фидеизм! — В. З.) нападки эти беспочвенны; к тому же они основаны на полном непонимании (?! — В. З.) того труда, который составляет расшифровка и датировка всего массива рукописей писателя, впервые проведенная нами». — [Фридлендер Г. М.] От редактора // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 4. Как видно, Г. М. Фридлендер не читал мою более раннюю развернутую критику советской орфографии и принципов академических изданий русской классики, в том числе и издания рукописей и записных тетрадей Достоевского, а также обоснование новых текстологических принципов публикации произведений Достоевского (преамбула к примечаниям в кн.: Достоевский Ф. М. Бесы. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 680—682). Свои тексто-

Этой презентации предшествовали некоторые важные события в моей научной жизни.

В восьмидесятые годы у меня был небольшой опыт составления и подготовки к изданию сборников рассказов Достоевского, тогда же я задумал не осуществленный до сих пор проект издания «петербургских повестей» Достоевского («Двойник. Приключения господина Голядкина», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки из подполья», «Крокодил», «Двойник. Петербургская поэма»), который так и сгинул в недрах партийного издательства «Правда», занимавшегося переизданием классики.

Обычно для подобных изданий не требовалась текстологическая подготовка: достаточно было представить расклейку авторитетного издания, составить комментарии, написать послесловие — и всё.

Впрочем, были предвестия будущих затей: заглянув однажды в прижизненное издание повести «Записки из подполья», я был поражен пунктуацией Достоевского. Она была музыкальна, интонационно проясняла авторский текст, подчас противореча современным правилам.

В современных изданиях при перечислении однородных членов предложения с повторяющимся союзом ставится запятая. У Достоевского знаки препинания расставлены иначе:

«Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не счумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ ни насѣкомымъ» (Ө. Д., VI, 9).

Какая пунктуация проясняет текст — вопрос риторический: конечно, авторская. Любителям править Достоевского возражаю: *писатель был абсолютно грамотен, не допускал орфографических ошибок и в высшей степени сознательно ставил знаки препинания.*

логические установки Г. М. Фридендер так и не пересмотрел: его малое академическое собрание сочинений Достоевского в 15-ти томах вышло без исправлений орфографической цензуры, хотя в девяностые годы можно было не только слово «Бог» печатать с большой буквы, но и многое другое. В этом издании дана та же последовательно атеистическая интерпретация текстов Достоевского, что и в других советских изданиях классика. Замечу также, что расшифровка рукописей Достоевского содержала бы меньше смысловых искажений и ошибок, если бы текстологи знали «старую» орфографию и понимали историко-культурный контекст творчества Достоевского. См. об этом ниже.

Примерно в то же время, вскоре после выхода монографии «Система жанров Достоевского: Типология и поэтика», я оказался с лекциями в США по программе сенатора Фулбрайта. В начале декабря 1987 г. одна из лекций состоялась в Гарвардском университете. Самому сейчас кажется странным, почему вместо того, чтобы рассказывать о своих идеях и концепциях, я считал долгом рассказать о провинциальных центрах изучения творчества Достоевского — о том, что делали коллеги в Иркутске (В. П. Владимирцев), в тогда еще Свердловске (Г. К. Щенников), в Воронеже (В. А. Свительский), в Коломне (В. А. Викторович), о том, чем заняты я и мои коллеги в Петрозаводске.

Уже во время дискуссии профессор Дональд Фангер, который, собственно, и пригласил меня с лекцией, задал каверзный вопрос: почему в Советском Союзе не издают «Бесов»?

Несколько лет спустя я так вспоминал этот эпизод:

«На него (вопрос. — В. З.) несложно было дать простой ответ. Вокруг “Бесов” Достоевского давно возникла абсурдная, но столь привычная в нашей жизни ситуация: роман издавался и был под запретом одновременно. Он включался во все собрания сочинений писателя и был доступен любому читателю, но после революции у нас не было ни одного отдельного издания “Бесов”. В 1935 году роман пытался издать Л. Гроссман — вышел первый том, но не помогла даже поддержка М. Горького — тираж был уничтожен. Трудно понять и принять логику тех чиновников, кто решал, как издавать и не издавать роман, но факт остается фактом: на декабрь 1987 года у нас не было отдельных изданий “Бесов”, но мне были известны проекты изданий, которые предлагали Ю. Карякин, В. Туниманов, С. Белов.

Сказанным можно было ограничиться, но это было бы объяснением политического аспекта той сложной текстологической проблемы, которую представляет отдельное издание “Бесов”. И неожиданно для себя стал говорить о том, как это издание сделал бы я. Сказал, а позже осенило, почему бы не попробовать самому развязать запутанные узлы текстологических проблем романа. Так возникла идея этой книги, которую помогло осуществить издательство “Карелия”.

Прежде всего необходимо было решить, что делать с главой “У Тихона”, запрещенной издателем “Русского вестника” М. Кат-

ковым по ханжеским соображениям. До нас дошло два дефектных текста главы, отражающих разные этапы ее переработки — начальный и конечный. Возможны двенадцать вариантов издания романа. Существует пять. В этом издании предложен шестой: в приложении к роману опубликованы две версии главы “У Тихона”, причем текст по списку А. Достоевской не переиздавался у нас с 1922 года, а в 1922 году был издан в труднодоступном сейчас журнале “Былое”. Оба текста вычитаны и исправлены по архивным оригиналам.

Вторая проблема заключалась в том, что произведения Достоевского сегодня мы читаем не “по Достоевскому”. Писатель, например, придавал важное смысловое значение заглавной букве. В рамках одного предложения или абзаца слова (в том числе и слово “бог”) писались и с заглавной, и со строчной буквы. Упразднение в двадцатые годы заглавного написания религиозной лексики привело к утрате нюансов смысла, игры значениями слов: заглавная буква не только знак культуры и истории языка, но метафизика текста. Наш “воинствующий атеизм” обернулся воинствующим невежеством. Русскому языку Пушкина, Достоевского, Толстого пора вернуть его исторический смысл.

До сих пор нет ничего авторитетнее прижизненных изданий. В этом давно разобрались библиофилы. По сравнению с текстом последнего академического издания романа внесено свыше 450 исправлений, которые не только уточняют смысл прочитанного, но и меняют знаки культуры на противоположный — с отрицательного на положительный. В этом издании текст “Бесов” приближен к оригиналу.

“Бесы” давно названы “пророческим романом”, но не надо обольщаться, что он “предупреждает” нас о прошлом — о том, что с нами произошло. Роман снова обращен к современности и нашему будущему — поиску праведного пути России, ее выходу из духовного кризиса “смутного времени”².

Подготовленный к печати роман я сдал в издательство в мае 1989 г., а несколько месяцев спустя на симпозиуме Международного общества Достоевского в Любляне (Словения, 22—29 июля 1989 г.) ссорился с Ю. Ф. Карякиным, который считал,

² Захаров В. Пророческий роман // Ленинская правда. 1990. 12 марта. С. 3.

что пропущенная глава должна быть непременно включена в текст романа, а не печататься в приложении, как на том настаивал я.

Это издание «Бесов» высоко оценил А. В. Михайлов. Протицирую его отзыв полностью, ибо он во многом предопределил дальнейшее направление моих текстологических разысканий.

К НОВОМУ ДОСТОЕВСКОМУ

Моя заметка продиктована радостью филолога. Чему же может радоваться филолог? Конечно же, филолог радуется слову и букве. Он особенно радуется тогда, когда видит, что смысл и суть дела, — а они всегда отданы слову и букве, закреплены в них, в них находят себя, — проясняются и просветляются, и все оттого, что бережная рука и взволнованный неравнодушный взгляд усердно прошли по словам и буквам писателя, и очистили, и освежили их, и подправили пошатнувшееся, покривившееся от времени. Зная, как важно, чтобы внимательный и строгий глаз не сходил со строк и страниц великих книг, филолог радуется, когда видит, что все совершается по совести, по справедливости и ровно так, как надо, — так, как надо бы, чтобы было всегда.

Кто-нибудь подумает: ну что там буква, когда речь идет об огромном создании литературы, например о тысячестраничном романе, о «Войне и мире», о «Братьях Карамазовых»? Что может переменить в них запятая, пропущенное слово? Сами авторы и так меняли и правили свой текст, — что же, какая беда в мелких неточностях, в чьей-то незамеченной небрежности? Тот, кто так думает, рассуждает точно так, как обновители нашего правописания семьдесят лет с лишком тому назад. Среди тех, кто готовил реформу русского правописания, были ученые с мировым именем; реформа же состоялась — не по замыслу русских грамматиков и языковедов — в тот исторический момент, когда приказано было отречься от старого мира: твердый знак, да буква ять, да фита, да прочие малозначительные тонкости и пали жертвой, превосходно продемонстрировав, как много могут маленькие и «лишние» буквы — все равно что лишние люди и нахлебники русской азбуки. Наблюдая теперь и дивясь тому, как трудно бывает среднему нашему школьнику правильно и складно прочитать нетрудный современный русский текст, уже вовсе не удивляешься тому, что русский же текст с ерами и ятями нимало не дается ему — все равно что китайская грамота. Вот тебе и успехи просвещений, достигнутые путем устранения лишних букв, и можно только вооб-

разить себе, в какую недоступную никому бумажную массу вдруг обратились в 1918 г. книжные запасы страны для людей малограмотных и новообращенных. Запрет буквы ять да ера, сопровождаемый лязганьем оружия (чем и похвалялись, изгоняя упрямых наборщиков или вправляя им мозги), и был самым дельным, эффективным исполнением приказа об отречении. Целая филология выросла на почве культуры для бедных и на обязательности перевода всех русских классиков на чуждое им правописание — все это в такт с вычищением их текстов под стать себе: перемена правописания, его мнимое упрощение, зуд полунезаметно приносивший классиков к своему разумению — все это способствовало небрежному виду издаваемых у нас текстов; перемены пунктуации — перестановка знаков препинания, так, как легче и как "правильнее", — подчиняла авторов аракеевской узде мнимого порядка, отвлеченного ранжира. Когда в наши дни ловишь корректоров на том, что и цитаты из Библии — ничто перед ними, если не успел поймать за руку, — что и они подвергнутся исправлению, начинаешь понимать, как пало у нас, в массе, филологическое сознание, насколько отсутствует чувство стиля, чувство веса и достоинства слов.

А откуда же моя радость, и чему можно тут радоваться? А только тому, как, медленно и постепенно, возвращается к нам филологический здравый смысл — медленно, как только и способна двигаться такая "вещь", коренящаяся в сознании глубоко, мало поворотливая, трудно излечимая в случае болезни. Вот этому медленному-верному буквоед-филолог и радуется. Потому что знает, что изучение малой буквы, когда она поставлена верно и прочно и утверждена на своем месте, очень велико, и тем более велико, если эта буква несет великий и страшный смысл. Тогда она своей точностью вооружилась, христианский воин против бесовства. А бесовство, лукавя с буквой и словом, ослепляет и оупяет их — как тяжелы глухие убийственные слова хулы и осуждения, слова лжи и оглупления, слова человеконенавистничества, слова поклонения идолам и кумиропослужения.

Наша филология, долго возвращавшаяся к охаянному Достоевскому, уже достигла немалого. Только что законченный тридцатитомник Ф. М. Достоевского — итог долгих упорных трудов научного коллектива, которым руководил Г. М. Фридендер, — достижение, которое нельзя переоценить. Но не поставлена последняя точка, да и нельзя в таком деле сделать все окончательно. И вот знаменательный новый шаг вперед — издание "Бесов", ко-

торое было подготовлено петрозаводским исследователем, профессором В. Н. Захаровым.

Парадокс истории — вдруг появляется у нас сразу несколько отдельных изданий романа Достоевского, прежде для широкого читателя труднодоступного и отдельно не издававшегося в советское время, и отдельные издания эти совпадают по времени с новым разгулом старой бесовщины! Терпит бесовщина “Бесов”, трепещи и веруя, — и в том слабость и сила бесов: мнят себя выше разоблачений, но уже не поднимают руку на несомненность художественного. А раньше — поднимали, и сходило с рук. Вот ведь ясен умысел, когда бесовское впархивает в текст великого писателя, бесчинствуя в нем так: “Но Сатана знает бога; как же может он отрицать его”. Это — по старому изданию; да ведь и может же отрицать: текст писателя — о том, что не может сатана, текст филологов — о том, что может, и он может. Умаление Бога перед сатаной — вполне в духе приноровленной и ручной филологии. Теперь В. Н. Захаров поправляет все это — просто возвращаясь к авторскому тексту. Вот тебе и наглядная демонстрация всего неизмеримого значения буквы, отдельной всего лишь буквы! Целая мировоззренческая противоположность вмещается в одну лишь букву — понижена она или повышена, строчная или заглавная. И оценим же по заслугам и ту “правильность” орфографии, которая по логике своей устраивала такую выходку посредине текста Достоевского...

Теперь же точный взгляд филолога прошелся по всему тексту романа и утвердил то, что было в нем на деле. Правда, “Бесы”, изданные под редакцией В. Н. Захарова, — это в целом все еще не научно установленный текст, для чего нужны немалые дополнительные, капитальные усилия, но это текст, который устраняет из романа прямую небрежность и мелкую людскую злобу против его создателя. И петрозаводское издательство “Карелия”, насколько то в возможностях непривычного к строгой филологии издательства (да и какое у нас привычно, и какое не лепит от невнимательности опечатку за опечаткой!), пошло навстречу своевременному замыслу В. Н. Захарова. Он же сам и поясняет свой подход к тексту и раскрывает перед читателями тонкость, какую писатель вкладывал в написание заглавных букв. Вот и слово “бог” вовсе не всегда идет у Достоевского с заглавной. “Упразднение в двадцатые годы нашего века прописного написания религиозной и церковной лексики имело катастрофические последствия для текстологии русской литературы. Орфографический вопрос, с какой буквы писать слово «бог», приобрел политический смысл. Сейчас,

впадая в обычное преувеличение, мы готовы любое значение слова «бог» отмечать с заглавной буквы. Между тем с большой буквы писали это слово только для означения высшего существа, давшего начало и смысл миру. Языческое многобожие и еретическое мудрствование означались с малой буквы". Вот Достоевский и пишет: "о Боже", "ей-Богу", а в иных местах пишет — "бог", и всякий раз с глубоким смыслом. У Достоевского "заглавная буква — «метафизика» текста".

И такой же носитель смысла — пунктуация. Достоевский говорил: "У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед **что**, где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед **что** ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!" Но ведь и ставят, и в этом петрозаводском издании вынужденно все еще дается неавторская пунктуация. А теперь, как я надеюсь, любой читатель знает уже, что чтение текстов, напечатанных по "правильной" орфографии, только мнимым образом упрощает дело, — текст с авторской орфографией и пунктуацией читать будет и потруднее, но зато читаться-то будет то, что автор написал. Сквозь авторское написание, пусть оно и будет даваться нам с трудом, светит авторский замысел, авторский смысл. Ради него ведь, не ради идеологической непогрешимости своей читаем мы Достоевского, читаем "Бесов". Я не думаю, что "Бесы" — это непременно зеркало или пророчество: проникая безжалостно в возможности человеческого, — значит, в те возможности, которые обнажились в человеческой душе и в человеческом уме, — Достоевский едва ли и мог ошибиться в своих предсказаниях, коль скоро историю повернуло на худо и соблазнила людей воля и безответственность воли. Это у Достоевского анализ художественный, то есть особо бесстрашный в самом своем страхе и схватывающий явление в его целостности, во внутренней логике такой, какую не разложишь по полочкам только умственно, учено. Такой анализ и можно назвать пророческим, но только сделано в мире так, что никто не слушается пророков и нередко побивают их камнями.

Радуясь изданию В. Н. Захарова — он и знаменитую главу "О Тихоне" поместил в двух редакциях, из которых одна не перепечатывалась с 1922 года, — мечтаю дожить с годами до такого издания Достоевского, которое во всем (насколько то в силах человеческих) будет верно духу и букве Достоевского. Мечтаю, но

не твердо надеюсь³. Между тем быть верным духу и букве и значит быть верным писателю, и значит хранить его, как велит долг. Потому что дух и буква, смысл и буква образуют в великом произведении неразрывный союз, и что отнято у одной, то отнято у другого, что отнято у одного, то отнято у другой.

Пока же всякому, кто захочет прочитать "Бесов" Достоевского или перечитать их, я бы рекомендовал взять в библиотеке именно это петрозаводское издание. Видно: светлый этот город, Петрозаводск, и есть в нем светлые умы.

А. В. Михайлов⁴

Эти похвалы не оставляли выбора.

К тому времени я уже сознал преимущества старой перед новой, советской орфографией, уже писал, что «до сих пор нет ничего авторитетнее прижизненных изданий»⁵, но не мог решить неразрешимую задачу, в каком объеме сохранить авторскую орфографию и пунктуацию, как приблизить современный текст к оригиналу.

После этой рецензии оставалось лишь одно — следовать напутствию А. В. Михайлова.

Так и случилось.

В 1992 г. по конкурсу Министерства образования РФ, который проводил Уральский государственный университет, мы получили грант на текстологическую подготовку произведений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации. За три года небольшой коллектив в составе трех выпускников филологического факультета О. И. Гуриной, О. В. Захаровой и Е. С. Харламовой набрал (сканирование до сих пор не дает желанного результата) и вычитал все печатные издания Достоевского в прижизненных редакциях.

Это стало началом огромной работы: последовали бесконечные вычитки, сверки и исправления текста, составление сводов

³ Ничего не зная о болезни А. В. Михайлова и не предполагая ее, сразу по возвращении из Гаминга я просил коллег передать ему первый том Канонических текстов Достоевского, но не успели. 18 сентября 1995 г. Александр Викторович умер, не дожив до 57 лет. Время показало, что это была огромная и невосполнимая потеря в отечественной филологии.

⁴ Михайлов А. В. К новому Достоевскому // *Наш современник*. 1991. № 3. С. 177—179.

⁵ Захаров В. Пророческий роман. С. 3.

редакций и далее нескончаемая корректорская правка, исправление опечаток, составление вариантов, редакционная подготовка томов собрания сочинений.

До начала проекта в библиотеках Петрозаводска было всего несколько прижизненных изданий Достоевского. Чтобы обеспечить объем работ, необходимо было разыскать, когда удавалось приобрести — купить, а чаще ксерокопировать все прижизненные публикации.

Ни в одной библиотеке мира (и России) нет всех прижизненных изданий Достоевского, в каждой библиотеке есть свои лакуны; дольше всех длились поиски отдельного издания первой части «Записок из Мертвого Дома» 1862 г. В Российской национальной библиотеке хранится фальшивка — подмененный каким-то библиофилом муляж, сшитый из вырезок журнала «Время», в котором печаталась эта часть «Записок из Мертвого Дома» Достоевского. В оригинальном издании — тот же набор, но сплошная пагинация текста. Может быть, это издание сохранилось еще где-нибудь, но я нашел его в библиотеке Хельсинкского университета.

Мы делали ксерокопии всех без исключения изданий, которые находили, и не напрасно: так удалось обнаружить промежуточный тираж романа «Идиот» 1874 г. издания.

Особенно много усилий занял процесс подготовки к публикации литературно-критических и публицистических публикаций в журналах «Время» и «Эпоха», а затем и «Гражданина» времен редакторства Достоевского (1873—1874), процесс атрибуции анонимных и псевдонимных статей в этих изданиях (см.: *О. Д.*, IV, 597—608, 649—650, 653—684, 687—736; *О. Д.*, V, 197—228, 241—247, 280—296, 331—335, 483—631, 649).

Одновременно с подготовкой печатного издания началось чтение рукописей. Сначала читали по микрофильмам и микрофишам, потом, видя наше усердие и серьезность намерений, нам пошли навстречу: дали возможность оцифровать все автографы и фонды Достоевских. Огромный объем работ на многие годы по фотосъемке архивных материалов по Достоевским, по В. Далю, по И. Шмелеву, Б. Зайцеву, И. Бунину взял на себя Н. И. Соболев.

Работа сотрудников с цифровыми копиями сразу повысила качество текстологических исследований.

Благодаря использованию сотрудниками НИОР РГБ во главе с заведующим В. Ф. Молчановым криминалистических методов были прочитаны прежде не читавшиеся слова в рукописях, зачеркнутые, смытые и стерты места в письмах, выявлены авторские пометы на книгах.

На очереди подготовка к публикации не просто писем, но переписки Достоевского, включая редакционные архивы «Времени» (1860—1863), «Эпохи» (1864—1865), «Гражданина» (1873—1874), «Дневника Писателя» (1876, 1877, 1880, 1881).

Приступая к чтению рукописей и записных тетрадей, мы не предполагали объема этого труда. Уже пятнадцать лет идет их подготовка к публикации, и пока не видно конца этой работе.

Оправдание усилий наступает тогда, когда удастся исправить ошибочные прочтения предшественников.

Вот один из последних примеров.

В современных публикациях подготовительных материалов к роману Достоевского «Бесы» есть странные рассуждения Князя (ставшего в романе Ставрогиным) об «обожании», для которого «нужен Бог» (ДЗ0, XI, 188). Ошибочное сознательное или бессознательное прочтение текстологом ясно написанного слова «обоженіе» вызвано непониманием историко-культурного контекста и религиозного смысла суждений героев.

Вот исправленный текст:

«Замѣтьте что человѣческая природа непремѣнно требуетъ обоженія. Нравственность и вѣра одно, нравственность вытекаетъ изъ вѣры, [обоженіе есть неотъемлемая] потребность обоженія есть неотъемлемое свойство человѣческой природы. <Ниже вписано: /Это свойство высокое, а не низкое — признаніе безконечного — Стремленіе разлиться въ безконечность міровую, Знаніе что изъ нея происходишь./ — Ред.> А чтобъ было обоженіе нуженъ Богъ. Атеизмъ именно исходитъ изъ мысли что обоженіе не есть естественное свойство природы человѣческой, <и жд>етъ возрожденіе человѣка оставленнаго лишь на самого себя. Онъ силится представить его нравственно какимъ онъ будетъ свободный отъ вѣры. Но они ничего не представили. По плодамъ судять о деревѣ. Напротивъ представили толь-

ко уродства и пищеварительную философію. Нравственность же предоставленная самой себѣ или науки, [по]/м/ожетъ извратиться до послѣдней погани — до реабилитаціи плоти и до созженія младенцевъ»⁶.

Там же чуть ниже ошибочно прочитанная предшественниками запись: «Мир станет красота Христова» (Д30, XI, 188).

На деле же:

«Міръ спасаетъ Красота Христова»⁷.

«Спасает» или «станет» — смысл высказывания разительно меняется.

Ради подобных исправлений и трудятся текстологи.

Надеюсь, осуществится задуманное и удастся издать записные тетради в следующем составе: факсимиле, транскрипция, комментарии.

В 1997 г. была образована web-лаборатория филологического факультета. Именно в этом году мы получили грант РГНФ на создание «Конкордансов всех произведений Достоевского» (проект № 97-04-12014в). Конкорданс — это электронный словарь, который дает индекс слов в ограниченном или неограниченном контексте. Он является действенным инструментом в филологических исследованиях. Подготовленные к тому времени тексты Достоевского позволили выполнить весь объем работ в течение одного года.

Далее последовало электронное описание Евангелия, подаренного Достоевскому в Тобольске женами и родственниками декабристов в январе 1850 г. Это книга книг в жизни, в творчестве и в библиотеке писателя. Она дает для понимания творчества Достоевского больше, чем любое исследование о нем. Многие пометы, особенно пометы ногтем, были описаны впервые.

В 1999—2001 гг. шла работа над электронным изданием Полного собрания сочинений В. Даля (РГНФ, проект № 98-04-12019в).

По завершении этого проекта последовали электронные научные издания собраний сочинений И. Шмелева, Б. Зайце-

⁶ НИОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. Л. 22.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. Л. 22.

ва, И. Бунина, М. Достоевского, А. Достоевского, А. Достоевской и др.

Результаты этих и многих других текстологических проектов представлены на сайте кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета www.philolog.ru.

PHILOLOG.RU

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Особенностью современных текстологических исследований является использование возможностей, которые открывают новые информационные технологии. Они позволяют решать текстологические проблемы любой сложности, которые невозможно реализовать в печатном издании. То, что раньше было отходами полиграфического производства, теперь позволяет представить текст во всей полноте источников и исследовательских интерпретаций.

В современных учебниках пишут, что текстология — вспомогательная филологическая дисциплина. Это ошибочное мнение.

Текстология не вспомогательная, а *главная филологическая дисциплина*.

Словесное произведение существует как текст. Для филолога нет ничего выше текста — всего важнее текст. Именно с текста начинается прочтение и толкование произведения. Без текста нет словесности, нет литературы.

Текстология — не только главная дисциплина филологии, но и основная дисциплина тех наук, в которых значим текст и его история (богословие, философия, история и др.).

За три тысячелетия человечество выработало ясные и четкие требования к опубликованному тексту. Он должен быть аутентичен, достоверен, оригинален, иметь минимум технических и редакторских искажений.

Книжная культура стремится соблюдать эти требования.

Никто, ни один исследователь, не вправе отказывать автору улучшать, совершенствовать или просто исправлять свой текст.

Каждый текстолог должен считаться с волей автора, даже если не согласен с ней.

Пока автор жив, нет окончательной — есть последняя редакция текста. Смерть завершает авторский текст, который существует в том виде, в котором он создан и сложился в творческой истории произведения, в творчестве писателя.

Каждый филолог должен знать, можно или нельзя доверять тому или иному изданию, в каких случаях следует обратиться к научным переизданиям текста, в каких — необходимо сверить текст с прижизненными изданиями или рукописями.

Текстология призвана очищать авторский текст от нетворческих изменений.

В XIX в. роль редактора была значительной при публикации произведения в периодических изданиях (газета, журнал, иные повременные издания), но редактор не принимал участия в типографском издании произведения. Неформальная редактура возникала, если автор сам находил редактора (Тургенев правил Тютчева и Фета, Анненков редактировал Тургенева, Страхов — Толстого и т. д.).

Достоевский не нуждался в подобном посреднике между автором и читателем: он сам был редактором и для себя, и для других (круг молодого Достоевского в «Отечественных Записках» 1847—1848 гг., редактирование «Времени», «Эпохи», «Гражданина», издание «Дневника Писателя», издание своих сочинений).

Редактор был востребован в издании посмертных собраний сочинений. Прежде всего ему приходилось решать текстологические проблемы. Пушкин выходил под редакцией П. В. Анненкова и др., Державин — под редакцией Я. К. Грота, Батюшков — Л. Н. Майкова, Гоголь — Н. С. Тихоновой, Достоевский — А. Г. Достоевской.

Советская власть поставила редактора выше автора: она сделала его ответственным не только за публикацию текста, но и за сам текст. Редактор принимал окончательные решения. Он диктовал требования автору. Текстология обосновывала это

право, поставив под сомнение такие категории, как воля автора, последняя авторская воля, канонический текст. Редактор и цензор стали высшей инстанцией в судьбе текста.

Выяснение воли автора стало политическим решением: с ней можно было считаться или не считаться в зависимости от приходящих обстоятельств.

Произошла деканонизация авторского текста.

Классические тексты были приспособлены к «орфографическому режиму» новой исторической эпохи: классику переводили из старой в новую орфографию, а новая орфография запрещала писать слово «Бог» и иную религиозную лексику с большой буквы.

Правы те текстологи, которые настаивали, что канонический текст невозможен, недостижим в парадигме советской текстологии. Канонический текст исчезал уже в самом процессе перевода из старой в новую орфографию, в цензурной корректуре, в политической редактуре, в конъюнктурной интерпретации произведения.

Канонический — это аутентичный авторский текст. Текст автора, а не редактора.

Сегодня текстология зачастую понимается как герменевтика. Предполагается, что основной текст уже подготовлен предшественниками, необходимо лишь дать новую интерпретацию известного текста: представить новые комментарии, сопроводительные статьи. Сплошь и рядом происходит имитация текстологии: издатели перепечатывают выпущенные ранее научные издания, в лучшем случае давая выборочную сверку сомнительных мест.

Таким образом предполагают издать новую редакцию тридцатитомного академического Полного собрания сочинений Достоевского⁸.

Казалось бы, чего проще сверить публикуемый текст с прижизненными изданиями, в конце концов с последней прижиз-

⁸ Багно В. Е., Рак В. Д. О втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2009. № 3. С. 60—68. Возражения см.: Ветловская В. Е., Тихомиров Б. Н. Об академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (изд. 2-е, исправленное и дополненное) // Там же. С. 69—73.

ненной публикацией текста. В недавно вышедшем в консорциум издательств «Астрель-АСТ» собрании сочинений Достоевского Т. А. Касаткина взяла за основу тексты тридцатитомного собрания сочинений писателя, исправив заглавную букву и выборочные знаки пунктуации не по прижизненным публикациям, а по разным изданиям, в том числе случайным. Благо, что в исправлении заглавной буквы в первых двух томах ей помогли изданные тома наших Канонических текстов Достоевского. В других томах тексты сверены по юбилейному изданию Полного собрания сочинений Достоевского, выпущенному А. Г. Достоевской в 1904—1906 гг., по Полному собранию художественных произведений Достоевского под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева, по другим посмертным изданиям⁹. Лучшее из них — Полное собрание сочинений, подготовленное вдовой писателя; оно превосходно во многих отношениях, но орфография и пунктуация в этом издании исправлены корректорами в соответствии с правилами начала XX в. Заглавная буква унифицирована, авторская заглавная буква не сохранена.

Разве это текстология?

Н. Ф. Буданова, готовившая текст романа «Бесы» в тридцатитомном собрании сочинений Достоевского, выпустила в 1989—1990 гг. отдельные издания романа¹⁰, в котором слово «Бог» почти во всех контекстах напечатано с большой буквы, упразднив тем самым игру автора богословскими, атеистическими и языческими значениями слова в философских спорах героев. С полным доверием к этому изданию текст романа воспроизведен позже Л. И. Сараскиной¹¹.

Начиная с шестого выпуска альманаха «Достоевский и мировая культура» К. А. Степанян ввел обычай цитировать тексты Достоевского по тридцатитомнику, самостоятельно исправляя

⁹ *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. / Подготовка текста, составление, примечания, вступительная статья, комментарии Т. А. Касаткиной. М.: Астрель-АСТ, 2003—2004.*

¹⁰ См.: *Достоевский Ф. М. Бесы: роман в 3 ч. / Подготовка текста, примечания, вступительная статья Н. Будановой. М.: Художественная литература, 1989. То же: 1990.*

¹¹ *Достоевский Ф. М. Бесы: роман в 3 ч.; «Бесы»: антология русской критики / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996.*

цензурные искажения букв¹². Сейчас многие следуют этому примеру. Каждый сам себе текстолог. Впрочем, интуиция — ненадежный помощник, не всегда исследователь может угадать мысль автора. Исследователь не всегда дает правильный ответ на вопрос, как в том или ином случае Достоевский писал слово БОГ — с большой или маленькой буквы. А что говорить о других случаях? Невозможно интуитивно воссоздать иерархию понятий, которую создал автор.

У нас по-прежнему текстологией занимаются те, кто не держал в руках прижизненные издания, не читал и не изучал рукописи.

Исключением из этого списка современных просчетов в текстологии является изданное в 2003—2005 г. на основе опубликованных и подготовленных к печати томов Канонических текстов Полное собрание сочинений Достоевского. В этом издании обновлен справочный аппарат, составлены новые комментарии, дана новая текстология произведений писателя, которая сохраняет авторскую пунктуацию, смысловые и характерные особенности орфографии писателя, букву и дух слова Достоевского¹³.

Сегодня текстология сохраняет традиционный статус зачастую лишь при публикации рукописных сочинений. Даже академические по месту их подготовки (Академия наук) издания сплошь и рядом не удовлетворяют главному критерию данного типа издания: в них отсутствует точность воспроизведения авторского текста. Отсутствует — потому что не ставится такая задача.

Преуспевает *текстология без технологии*, иначе говоря: *текстология без текстологии, имитация ее*.

Мой ответ на вопрос, что важнее — текст автора или статьи и комментарии исследователя, — предрешен текстологическим опытом: важнее текст, а не его интерпретации. Комментарии устаревают в момент их публикации. Комментатор всегда второй после текстолога.

¹² Достоевский и мировая культура: альманах. № 6. СПб.: Акрополь, 1996. С. 4. Такова практика редактирования альманахов «Достоевский и мировая культура», цитирования текстов Достоевского во многих книгах и статьях разных авторов.

¹³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. / Под ред. В. Н. Захарова. М.: Воскресенье, 2003—2005.

Текстология не только герменевтика, но прежде всего — технология.

Это убеждение возникло у меня в процессе подготовки аутентичных изданий русской классики: Достоевского, Даля, других писателей XIX—XX вв.¹⁴

Решение данной задачи потребовало разработки особой методики подготовки текстов.

Искажения, ошибки и опечатки неизбежны в наборе, в корректуре, в процессе печати. Критический анализ текста имеет целью их исправление, устранение цензурного и редакторского вмешательства (купюр, вставок, изменений), подготовку текста к публикации.

Задача текстолога — проследить все изменения текста в процессе его создания и бытования.

История текста — лишь один из аспектов творческой истории произведения.

Начиная с октября 1867 г. изменилась технология творческого процесса Достоевского: обдумывание и разработка плана и замысла в записных тетрадях стало подготовкой к диктовке, далее следовали стенографирование авторской речи, расшифровка стенограмм, редактирование записанного текста, создание филолога, который зачастую был наборной рукописью, корректура гранок, первая публикация, переработка текста для отдельного издания и переизданий. Писатель никогда не завершал незаконченные произведения, не восстанавливал испорченный текст, почти всегда исправлял журнальную публикацию для отдельного издания, вносил изменения в переизданиях своих сочинений. Нередко автор высказывал свои предпочтения к оформлению текста, к рисункам, к иллюстрациям, к подбору шрифтов.

Технология подготовки канонического текста предполагает учет всех источников текста, рукописных и печатных, анализ творческой истории произведения, выяснение истории текста,

¹⁴ Обоснование текстологических принципов аутентичных изданий русской классики см. в моих статьях: 1) Захаров В. Н. Подлинный Достоевский // *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты* / Изд. в авторской орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. Т. I. С. 5—13; 2) Захаров В. Н. Буква и дух русской классики: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/592/9079/>

составление свода редакций, анализ разночтений, выбор текстологических решений, установление канонического текста.

Работа проходит в несколько этапов.

Сначала составляется библиография автора, затем идет розыск и сбор текстов, которые снимаются на цифровую камеру, сканируются или ксерокопируются.

После набора следует первая вычитка, в которой участвуют два корректора: один читает, другой отмечает ошибки и опечатки. Все вычитки происходят вслух, «с голоса». Несмотря на архаичную форму и малую востребованность в современном издательском процессе, это самая эффективная методика корректуры. Далее в текст вносятся правка. Текст каждого произведения проходит многократные вычитки.

Следующий этап — создание свода редакций.

Свод редакций создается, как правило, на основе первой публикации. Именно сверка первой публикации с последующими редакциями позволяет понять динамику текста.

Для этой работы нужна группа корректоров, один из которых читчик, другой — правщик, остальные — подчитчики. Так было задумано, но чаще читчик и правщик — одно лицо, что удобнее, как убеждают сотрудники. Численность группы устанавливается в зависимости от редакций текста. На каждую редакцию ставится один подчитчик. «Записки из Мертвого Дома» имеют семь редакций, из чего следует, что нужен один читчик и семь подчитчиков. Читчик, он же правщик, читает вслух, проговаривая все слова, знаки препинания и грамматические особенности текста. Подчитчик вслух отмечает разночтения. Читчик отмечает на полях текста все опечатки, ошибки и варианты. Каждая редакция имеет свой цвет корректорских знаков. Результатом этой кропотливой работы читчика и подчитчиков становятся красные, синие, зеленые, черные и т. п. столбцы разночтений на полях. Эта разметка позволяет наглядно представить историю текста, последовательность его изменений в разных редакциях, показывает, когда возникло то или иное разночтение. Она, как рыболовная сеть, «вытягивает» из текста опечатки и ошибки.

Свод рукописных редакций и вариантов текста также создается на основе первой публикации, но в этом случае возникает

«обратная перспектива», которая раскрывает, каким образом возник печатный текст, к чему пришел автор, нет ли в записывании и переписывании текста ошибок и описок, не остались ли в печатном тексте не исправленные корректором опечатки, не возникли ли искажения текста в результате ошибочной корректуры.

Свод редакций становится предметом текстологического анализа. В дискуссиях и обсуждениях происходит определение статуса разночтений, составление списка опечаток и вариантов, выбор канонического текста.

После исправлений по своду редакций тексты снова попадают на контрольную вычитку: задается корректура каждой редакции, а в некоторых случаях назначается и повторная вычитка свода редакций.

Далее готовится критический аппарат, который включает варианты текста и список исправленных опечаток, комментарии и сопроводительные статьи.

Вычитанные и исправленные тексты готовы для публикации.

В отношении к тексту мы отказались от роли редактора, который лучше знает, что написал автор. Мы выбрали для себя малый сектор свободы — компетенцию корректора, который в анализе разночтений редакций выбирает аргументированное решение.

За этой грамматикой текстологии стоит огромный каждодневный труд. Издание собраний сочинений с оригинальной текстологией может быть только общим делом, в котором участвуют и трудятся десятки специалистов.

За пятнадцать лет текстологическую школу ПетрГУ прошли свыше полусотни сотрудников. Сменилось несколько составов. Причина банальна: нестабильность финансирования, поиск иных карьерных перспектив, соответствующих приобретенной и уникальной квалификации. Многие защитили кандидатские диссертации (Н. А. Тарасова, Н. В. Пак, К. Г. Тарасов, А. В. Матюшкин, О. В. Захарова, Н. В. Захаров, С. О. Захарченко, В. М. Быкова, Н. Л. Шилова, Ю. В. Сидоров), сами стали руководителями текстологических проектов (Н. И. Соболев, Н. А. Тарасова, Н. В. Пак, К. Г. Тарасов, С. Е. Тарасова, О. В. Захарова, Н. В. Захаров, С. О. Захарченко, И. С. Рышева, М. В. Заваркина,

В. В. Кондратьева, В. М. Быкова, С. В. Федорова и др.), работают редакторами в издательстве ПетрГУ, в других издательствах. Их имена стоят на оборотах титулов Полного собрания сочинений Достоевского в авторской редакции и пунктуации, других изданий: А. А. Кемппи, М. В. Заваркина, Н. А. Тарасова, В. С. Зинкова, А. И. Солопова, Т. В. Панюкова, Т. А. Радченко, Л. П. Лаптева, О. В. Ярцева, Н. В. Пак, Т. А. Каракан, О. И. Гурина, И. И. Куроптева, О. Б. Решетникова, С. Л. Смирнова, Ю. Н. Венедиктова.

На основе разработанных текстологических принципов и технологий выходят электронные собрания сочинений разных авторов. Об эффективности разработанной технологии свидетельствуют результаты. Кто еще за три года издает тексты всех редакций с полным циклом подготовки от рукописи к тексту, от первой публикации к другим изданиям? Этот успех достигнут трудом корректоров и редакторов web-лаборатории: И. С. Ярышевой, Е. Н. Вяль, К. В. Сизюхиной, Л. В. Алексеевой, О. А. Соновской, С. О. Захарченко, Н. Е. Ивановской, Н. В. Тестовой, А. М. Дундуковой, А. Н. Галичаниной, Г. В. Борисовой, М. Ю. Гамовой, А. С. Куликовой, М. В. Старицыной, А. А. Григорович, Е. А. Шестаковой, О. Л. Вилаевой, О. В. Кондратьевой, Е. С. Харламовой, Н. Г. Смирновой, И. Ю. Бисеровой, П. Н. Шилова, Н. В. Захарова, А. М. Июдина, П. В. Жеребцова, А. В. Матюшкина и др.

Надо ли говорить, что прежде, чем опубликовать, мне предстоит рассмотреть, проверить, сверить подготовленный текст с печатными и рукописными источниками, отредактировать критический аппарат издания.

Конечно, плохо, что коллектив время от времени меняется, но оптимизм вызывает то, что с каждой сменой состава текстологическое сообщество прирастает опытными и квалифицированными работниками.

Свидетельство тому — эта книга, которая стала плодом работы текстологического семинара по подготовке Канонических текстов Достоевского. С началом издания возникла потребность протоколировать обсуждения и принятые решения. Фиксация обсуждений стала обязательным требованием при подготовке романов «Преступление и Наказание» и «Идиот». Именно

и это время квалификация сложившегося коллектива оказалась достаточной, чтобы отважиться на выявление фактора корректора в нетворческих изменениях авторского текста, определить различия, где опечатка, а где творческий вариант. Это был выход на новый уровень анализа текстологических проблем.

Мы не хотели бы винить корректора в «порче» текстов Достоевского, хотя писатель предпочитал ограничивать волю орфографического тирана. Автор позволял печатать свое сочинение «без всяких изменений, кроме обыкновенных корректурных исправлений и ошибок», как сказано в проекте его договора с издателем Ф. Стелловским¹⁵. В отличие от вмешательств цензора или редактора роль корректора в публикации текста была преимущественно положительной.

Достоевский сам был корректором. Он держал авторскую корректуру многих своих произведений (за исключением тех случаев, когда он по житейским обстоятельствам не мог этого делать, доверяя ее брату Михаилу, друзьям, жене Анне Григорьевне), держал авторскую и редакторскую корректуру «Времени», в «Эпохе», в «Гражданине», в повременном издании «Дневника Писателя».

Как правило, автор уступает корректору в тиснении и внимании.

В архивах Достоевского сохранилось несколько гранок и версток с корректурой (фрагмент второй главы романа «Неточка Незванова», глава «У Тихона» в «Бесах», «Эпилог» в «Братьях Карамазовых», «Необходимое заявление» в «Эпохе», верстка фельетона «Маленькие картинки», «Дневника Писателя» за 1880 г.). Писатель часто не замечал очевидные опечатки, читая не то, что набрано, а то, что было написано и должно быть в верстке. У него другое отношение к тексту — творческое: вчитываясь, он часто не исправлял, а перерабатывал текст.

Печатный текст — всегда неизбежная конвенция автора и корректора, в некоторых случаях автора, цензора и редактора.

В чистом виде фактор корректора явлен в «Преступлении и Наказании» в издании Ф. Стелловского 1870 г. Книжный мошенник напечатал роман без ведома автора с отдельного изда-

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. XV. Кн. II. М.: Воскресенье, 2005. С. 353.

ния 1867 г. Достоевский не готовил и не исправлял текст романа. Все изменения, которые есть в этом издании, имеют нетворческий характер. Они появились в результате ошибок набора и корректора. Это обычные ошибки корректора, который не заметил утрату частиц, перемену слов местами, исправил не все ошибки набора, но в то же время исправил замеченные опечатки издания 1867 г., расставил свои пунктуационные знаки, поменял четыре точки многоточия на три, снял ударения и т. п.

Ошибки корректора Стелловского типичны.

Таким был труд корректоров и в других изданиях.

Об этом свидетельствуют протоколы наших обсуждений, которые оформлены в виде текстологических комментариев к романам «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы».